

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Т. И. Султанов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЮРКСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Тюркские переводные сочинения средневековья еще не стали объектом всестороннего рассмотрения, и нерешенных вопросов, связанных с памятниками переводной литературы, достаточно много. Что и как переводили? Чем вызывался интерес к тем или иным типам сочинений, равно как и к отдельным произведениям? Остаются невыясненными: культурно-исторические причины развития переводной литературы в тот или иной период; связь переводных произведений с общими проблемами эпохи; идейная значимость и роль переводной литературы в истории письменной культуры; отношение переводов к своим оригиналам, равно как особенности и степень сходства разных переводов, восходящих к одному оригиналу. Немало проблем связано с деятельностью и самими переводчиками. Ответ на эти вопросы может быть дан лишь после того, как средневековая переводная литература будет подробно изучена в своем составе, в своих функциях и каждый жанр этого типа памятников станет предметом основательного историко-литературного и источниковедческого исследования.

В настоящей работе мы касаемся некоторых проблем переводной литературы, избрав материалом изучения переводные исторические сочинения тюркского фонда рукописного отдела ИВ АН СССР. Эти сочинения указаны в таблице, которая включает название, язык, время и место перевода сочинений и написания их оригиналов.

В последней графе даются ссылки на каталоги, где содержатся описания соответствующих рукописей. Названия сочинений перечислены в хронологическом порядке их перевода.

Возникновение переводной исторической литературы на тюркских языках сами переводчики склонны связывать с тем обстоятельством, что арабский и персидский языки старых хроник перестали быть понятны большинству читателей, тем самым

№№	Переводные сочинения		
	Название и шифр ЛО ИВ АН СССР	Время и место перевода	Язык
I	II	III	IV
1	Таварих-и Табари тарджамаси D 208, В 2461, С 530, D 103. В 1927	XIV—XVI вв. Турция	тур.
2	Тарджам-и футухат аш-Шам С 529	XIV—XVII вв. Турция	тур.
3	Махбуб-и кулуб ал-арифин С 567	1530—1532 гг. Турция	тур.
4	Нузхат ат-талиб В 778	1603—1617 гг. Турция	тур.
5	Дарбанд-нама В 764	Не позднее 1687/88 г. Северный Кавказ	азерб.
6	Тарих-и Хазаначи D 72	1706/07 г. Восточный Туркестан	уйг.
7	Тарих-и Хаванд-шах тарджамаси D 137	1737 г. Восточный Туркестан	уйг.
8	Тарджам-и раузат ас-сафа D 102, D 136	1845—1851 гг. Средняя Азия	узб.
9	Тарджам-и мукаддима-и Ибн Халдун С 528	Первая половина XVIII в. Турция	тур.
10	Тарих-и Рашиди Тарджамаси С 570	1747 г. Восточный Туркестан	уйг.
11	То же С 569	Конец XVIII в. Восточный Туркестан	уйг.
12	То же D 120, D 121, D 122, D 138, D 192	1836/37 г. Восточный Туркестан	уйг.
13	Тарих-и джахангушай-и Надири С 533	1750/51 г. Турция	тур.
14	Мамлакат-и русийанин ахваллари на таварихлари В 780	1814 г. Оренбург	тат.
15	Дурра-и надира D 125	1850 г. Хива	узб.

ЛИЦА

Оригинал			Каталоги
Название	Время и место написания	Язык	
V	VI	VII	
Тарих-и Табари (Балами)	963/64 г. Иран	перс.	ОТР, 1, № 1—5; ОПТР, № 208—214; Стори, 1, № 235
Футух аш-Шам	VIII—IX вв.	араб.	ОТР, 1, № 148; Михайлова, № 1
Бахджат ат-таварих	1456/57 г. Турция	перс.	ОТР, 1, № 7; ОПТР, № 246; Стори, 1, № 259
Умдат ат-рагиб ва нузхат ат-талиб	Начало XVII в.	араб.	ОТР, 1, № 147
Дарбанд-нама	?	перс.	ОТР, 1, № 123; ОПТР, № 507; Стори, 2, № 1157
Раузат ули-л-албаб фи таварих ал-акабир ва-л-ансаб (Тарих-и Банакати)	1317/18 г. Иран	перс.	ОТР, 1, № 22; ОПТР, № 229—230; Стори, 1, № 243
Раузат ас-сафа фи сират ал-анбийа ва-л-мулук ва-л-хулафа	Не позднее 1498 г. Средняя Азия	перс.	ОТР, 1, № 23 ОПТР, № 248—284; Стори, 1, № 260
»	»	»	ОТР, 1, № 28
Унван ал-ибар ва диван ал-мубтада ва-л-хабар фи аййам ал-араб ва-л-аджам ва-л-барбар ва ман асара-хум мин зави-с-султан ал-акбар	1375—1378 гг. Алжир	араб.	ОТР, 1, 24
Тарих-и Рашиди	1541/46 г. Кашмир	перс.	ОТР, 1, № 87; ОПТР, № 465—468;
»	»	»	ОТР, 1, № 93
»	»	»	ОТР, 1, № 88—92
Тарих-и Надири (или Тарих-и джахангушай-и Надири)	Не ранее 1749/50 г. Иран	перс.	ОТР, 1, № 156; ОПТР, № 350—361; Стори, 2, № 775
Летосчислительное изображение российской истории	1814 г. Казань	рус.	ОТР, 2, № 5
Дурра-и надира	Середина XVIII в. Иран	перс.	ОТР, 1, № 157; Стори, 2, № 775 (2)

№№	Переводные сочинения		
	Название и шифр ЛО ИВ АН СССР	Время и место перевода	Язык
I	II	III	IV
16	Мунтахаб ат-таварих D 90, D 225	Середина XIX в. Средняя Азия	узб.
17	Тарджама-и раузат ас-сафа-и Насири D 119	1860 г. Хива	узб.
18	Таварих ал-кибар C 464	XIX в. Средняя Азия	узб.

Примечание: Во избежание разнобоя названия в обеих частях таблицы приводятся по соответствующим каталогам: Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. Вып. 1. История. М., 1965 (сокр.— ОТР, 1); Л. В. Дмитриева, С. Н. Муратов. Описание тюркских рукописей Института востоковедения. Вып. 2. История, акты, библиография, энциклопедии, географии,

возникла необходимость их перевода и переделки на тюркские языки. Такая мотивировка перевода характерна для многих рассматриваемых нами сочинений. Приведем несколько примеров.

Турецкий переводчик «Таварих-и Табари» в предисловии к переводу пишет, что эта книга первоначально была написана на арабском языке, и была доступна немногим. Затем ее перевели на персидский язык; при этом были утрачены многие достоинства оригинала. Поскольку на территории Турции персидский язык малоупотребителен, то некий Ахмад-паша пожелал, чтобы она была переведена на тюрки, с тем чтобы ее смогли прочесть и воспользоваться наизданиями и наставлениями этой книги те, кто слаб в арабском и персидском языках¹.

По словам анонимного переводчика «Тарих-и Банакати», эмир Амин Хазаначи из Яркенда предложил ему перевести эту книгу на тюрки, чтобы она «была доступна всем тюркам». Хотя он не находил в себе способностей, достойных этого занятия, но все же взялся за перевод и завершил его в 1118 (1706/07) г., и книге дал название «Тарих-и Хазаначи»².

Интересно по своему содержанию предисловие Мухаммада Ниаза³. Сановные вельможи Яркенда, пишет он, не раз говорили мне, что край этот принадлежит к области Моголистана и являлся местопребыванием ханов. Жизненные обстоятельства ханов от времени Чингиза до пресечения ханской династии в

Продолжение

Оригинал			Каталоги
Название	Время и место написания	Язык	
V	VI	VII	
Мунтахаб ат-таварих	1843 г. Средняя Азия	перс.	ОТР, 1, № 30—31; Стори, 2, № 1054
Раузат ас-сафа-и Насири	До 1860 г. Иран	перс.	ОТР, 1, № 158; Стори, 1, № 350
Тарих-и Мир Саййид Шараф Рахим (или Тарих-и Раками)	XVII в. Средняя Азия	перс.	ОТР, 1, № 113; Стори, 2, № 998

календари. М., 1975 (сокр.— ОТР, 2); А. И. Михайлова. Каталог арабских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР. Вып. 3. История. М., 1965; Ч. А. Стори. Персидская литература. Библиографический обзор. В трех частях. М., 1972; Н. Д. Миклухо-Маклай. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. Исторические сочинения. М., 1975 (сокр.— ОПТР).

Моголистане неизвестны. Неизвестно также, сколько правителей царствовало в этом вилайете, каковы были установленные порядки, как они соблюдались и когда перестали действовать. «Вот если бы ты добыл книжку, где излагалась история правления ханов, или нашел достойного доверия сказителя, который поведал бы об этих событиях, с тем чтобы имена могольских ханов не исчезли в здешнем мире и их жизненные обстоятельства не остались в забвении».

О том, имелись ли в местных книгохранилищах списки «Тарих-и Рашиди» Мирзы Хайдара Дуглата, никто определенными сведениями не располагал. Случайно, однако, нашелся список этого труда, и Мухаммад Ниаз, прочитав его, обнаружил, что эта книга целиком посвящена могольским ханам и Моголистану. Книга была потрепана, с перебитыми листами и почти непригодна к использованию. По прошествии времени, когда Мухаммад Ниаз попал по его словам, на службу к правителю Хотана Мухаммаду Азиз-вангу, ему удалось отыскать в дворцовой библиотеке («китабхане-и а'ли») еще один список «Тарих-и Рашиди», отличавшийся от ранее им обнаруженного прекрасным исполнением и сохранностью. Поскольку «Тарих-и Рашиди» написана на фарси, продолжает он, то не каждый мог ею пользоваться, уразуметь ее содержание, и потому она оставалась безвестной. Тогда же, в 1253 (1837/38) г., Мухаммад Азиз-ванг предложил ему перевести «Тарих-и Рашиди» на тюрки,

чтобы сделать ее содержание доступным многим, а также чтобы люди поминали инициатора перевода и переводчика добрыми словами и провозглашали за них молитву благожелательства⁴.

Инициаторами перевода выступали, как правило, представители высших кругов светской иерархии; в числе лиц, причастных к переводам, оказывались государи и великие везиры⁵, местные правители и провинциальные вельможи⁶. Иногда заказчиками перевода являлись люди духовного сословия⁷. В одних случаях перевод осуществлялся прямо по указанию или инициативе высокопоставленных покровителей, в других — переводчики сами посвящали им свои труды⁸. Некоторые переводчики приводят обоснования своим посвящениям. Так, например, в конце предисловия уйгурский переводчик Мухаммад Низаз пишет, что он, подобно Мирзе Хайдару Дуглату, посвятившему свой труд Абд ар-Рашид-хану, свой перевод «Тарих-и Рашиди» посвящает Мухаммаду Азиз-вангу и что делает это на основании следующих трех причин: (1) персидский оригинал этой книги был обнаружен и стал известным в его время; (2) перевод был сделан согласно его высочайшему повелению; (3) он остается преданным роду Мавлана Джамал ад-Дина, о котором говорится в «Тарих-и Рашиди»⁹.

Из требований, предъявляемых к переводчикам их покровителями-заказчиками, особенно интересно требование перевести на «чистый» тюркский язык, избегая трудных для понимания арабских и персидских выражений, равно как слов «монгольского или калмацкого» происхождения¹⁰. Требование это, естественно усложнявшее поручение¹¹, исполнялось ими не всегда охотно, и заказчику иногда приходилось прибегать к повторному настоянию¹². В конце концов после «колебаний и размышлений» они все же принимались за «большое дело» перевода, ибо, как выражается один переводчик персидского сочинения, «не исполнять повеление государей — величайшая ошибка, а подчиниться ему — величайшая выгода»¹³.

Нам известно, в чем именно выражалась в каждом отдельном случае эта «величайшая выгода». Нам известны только две формы поощрения переводческого труда: (1) денежное вознаграждение и выдвижение переводчика на должность. Турецкий литератор Махмуд Деде преподнес султану Мураду III (1574—1595) свой перевод нескольких разделов «Савакиб ал-манакиб» Абд ал-Ваххаби Хамадани. Султан, просмотрев перевод, разрешил выделить ему какую-то сумму денег и повелел продолжить перевод оставшихся разделов персидского оригинала, что Махмуд Деде и осуществил в 998 (1589/90) г.¹⁴ (2) Мухаммад Риза-мираб, по прозвищу Агахи, в предисловии к переводу своих разделов «Дурра-и надира»

сообщает, что над переводом этого сочинения на тюрки трудился Мухаммад Назар, но в связи с «назначением его на высокую должность» («улуг хизмет») Абул-Гази Мухаммад-Аминхан повелел ему (Агахи) довести работу до конца¹⁵.

Естественно полагать, что сами покровители-заказчики были и первыми читателями переводных сочинений. Однако книги при благоприятных условиях имеют долгую, многовековую судьбу и переживают своих обладателей. Поэтому для более полного выявления круга читателей, в среде которых обращались памятники переводной литературы, важное значение имеют владельческие записи на рукописях. К сожалению, записи эти, представляющие сами по себе большую культурно-историческую ценность и доставляющие разнообразный материал для характеристики многих сторон истории рукописной книги, довольно редки. Из немногих владельческих записей и отметок, которыми мы располагаем, видно, что владельцами-читателями переводных сочинений в разное время оказывались, например, вельможа, приближенный к наместнику турецкого султана, и служители мечети¹⁶, кази г. Измира¹⁷, оренбургский имам и дети, обучавшиеся тюркской грамоте и языку¹⁸.

В предисловии (послесловии) к переводу или отдельных местах рукописи (в конце «дафтара», раздела или списка) мы находим обычное для восточных авторов упоминание собственного (фамильного) имени или литературного псевдонима переводчика. В большинстве случаев оказывается, что переводы выполнялись профессиональными писателями, чаще придворными или близкими ко двору историками¹⁹, одинаково свободно владевшими тремя основными языками мусульманской книжности. Историками-профессионалами были, например, турецкие переводчики Мухаммад Сахиб Пири-заде и Ахмад-чавуш (№ 9), кашгарец Мухаммад Садык (№ 11), приближенный ко двору хивинских ханов Мухаммад Риза-мираб, по прозвищу Агахи (№ 15, 17), и др. Нередко с именем переводчика приводится и его тахаллус (литературный псевдоним, обычно принимаемый поэтами) (№ 7, 8, 18), из чего можно заключить, что отдельные переводы выполнялись уже известными поэтами.

Над переводом каждого отдельного сочинения, как правило, трудился один переводчик, но в то же время нередки случаи, когда над переводом одновременно работала группа переводчиков, например, из 2—6 человек²⁰. О масштабах переводческой деятельности, развернувшейся в эпоху позднего средневековья в тюркских странах, можно судить по следующему факту. В 1725 г. по повелению турецкого султана Ахмеда III было создано под руководством великого везира «научное общество» в составе 45 членов, которые занимались переводами

арабо- и персоязычных исторических сочинений на турецкий язык. Имена членов этого своеобразного придворного общества переводчиков, состоявшего исключительно из историков-профессионалов, приводятся у Челеби-заде Асыма при описании событий, происходивших в Турции в 1138 (1725) г.²¹

Любопытно отметить, что отдельным переводчикам было присуще сознание интеллектуальной избранности, тем более сильное в местностях, где знание арабского и персидского языков было привилегией немногих: например, Мухаммад Авваби Акташи, из местности Эндери, в предисловии к своему переводу «Дарбанд-нама» открыто заявляет, что если бы не необходимость считаться с уровнем развития читателей, то он мог бы писать более красноречиво, т. е., в частности, с большим числом арабских и персидских выражений²². В еще более резкой форме противопоставляет себя читателям восточнотуркестанский переводчик и поэт Мир Фазил: «Жители Моголистана — аджемы» (букв. «варвар, неараб»²³), пишет он, и им недоступны риторические обороты сочинения Хаванд-шаха (Хондемира). Поэтому он в угоду читателям упростил утонченный стиль оригинала²⁴.

В связи с профессиональным составом переводчиков важное значение получают вопросы теории и техники перевода. Не входя в подробности, отметим лишь, что в отличие от современных переводчиков литературных памятников мусульманские переводчики средневековья далеко не во всем стремились точно воспроизводить подлинник²⁵, а главное внимание обращали на то, чтобы сделать содержание оригинала интересным и даже занимательным для своих читателей²⁶. При сверке с оригиналом часто оказывается, что перевод не только не точен или сильно искажен, но содержит порой, особенно в добавлениях переводчика, неверные сведения или неточную дату и т. п.²⁷.

Тем самым переводчик выступал как бы литературным соперником автора, творчески перерабатывая текст, приспособлявая перевод к вкусам своего времени, интересам того или иного правителя, сановника или феодальной группировки. К результатам такой деятельности переводчиков относятся, с одной стороны, сокращение, видимо, утеравших свое значение частей оригинала²⁸, с другой — дополнение оригинала интерполяциями и пояснениями; иногда, как это, например, было с переводом «Тарих-и Рашиди» Мирзы Хайдара Дуглата²⁹, добавления и продолжение подлинника до времени самого переводчика.

Творческая инициатива переводчиков сказывалась не только в сокращении переводимого текста или в добавлениях, но и в значительной стилистической переработке оригинала³⁰, которая, конечно, зависела во многом от личного мастерства и

одаренности каждого переводчика; и справедливо жалуется средневековый исследователь «Худай-нама» ал-Кисравий, заявляя: «Я просмотрел книгу, именуемую Худай-Намэ,— это та книга, которая, будучи переведена с персидского языка на арабский, была названа летописью царей персидских — и неоднократно просматривал списки этой книги и исследовал их самым основательным образом и нашел, что они до такой степени разнятся между собою, что и двух списков между собою согласных я добыть не мог. Это произошло от затруднительности дела для тех, кто переводил эту книгу с одного языка на другой»³¹. Эти слова с полным основанием можно переадресовать и к различным тюркским переводам одного и того же памятника.

Предисловия (послесловия) часто оканчиваются словами обращения к читателю, в которых переводчики оценивают свое писательское дарование или качество своего перевода. В первом случае преобладают свойственные средневековым писателям традиционные формулы самоуменьшения³², а во втором — обращения содержат, как правило, «илтимас» — «просьбу», «мольбу» о прощении за несовершенство перевода и призыв исправить допущенные ошибки³³. В качестве характерного примера здесь можно привести обращение переводчика Мухаммада Ниаза к своим читателям: «Все ошибки и погрешности, которые допустил ничтожный при переводе этой книги, пусть милостиво простят, пером исправления поправят и пусть не сделают сего немощного мишенью упрека, не бросят камень порицания, но простят и поманут в молитве благожелательства». На том же листе он предупреждает своих читателей: «Те, кто будут обращаться к этому списку рукописи, пусть поманут душу несчастного в фатихе и, если имели место изъяс и недостатки, всепрощающе примирятся. Амин»³⁴.

В заключение выскажем следующие соображения относительно вопросов, поставленных в начале настоящей статьи.

Появление и последующее развитие тюркской переводной исторической литературы по времени совпадает с возникновением и политической стабилизацией собственно тюркских государственных образований, началом проявления в интеллектуальной сфере признаков общетюркского этнического самосознания и острого интереса к своему историческому прошлому, что может быть зафиксировано уже для XV в.; это совпадает также с появлением и развитием тюркской оригинальной историографии, что и должно было иметь место во второй половине XV — начале XVI в. Тюркские переводы исторических сочинений более раннего времени были эпизодичны, случайны и не связаны с указанными явлениями.

Это параллельное развитие оригинальной и переводной ли-

тратуры не позволяет считать, что переводы играли преобладающую роль в становлении языка тюркских исторических жанров. Роль эта не могла быть важной уже потому, что переводы расходились в незначительном числе списков, о чем свидетельствуют случаи, когда одно и то же сочинение переводилось несколько раз в разных регионах (№ 1, 7, 13) или даже в одном и том же регионе (№ 1, 2, 10—12).

При изучении состава переводной письменности можно выделить по меньшей мере две причины, определявшие выбор оригинала: 1) нужды и запросы местного культурного развития; 2) исторически возникший интерес самих тюрков к письменно зафиксированным генеалогиям тюрко-монгольских племен и династий. Следует учитывать также стремление к осознанию в новых условиях места и значения тюркских племен и народностей во всемирно-историческом процессе, как это трактовалось иноязычными историческими источниками, стремление, вызванное к жизни властной потребностью создания собственной историографии, составной частью которой и явились переводы.

Переводы иноязычных исторических сочинений, таким образом, знакомили тюрков, с одной стороны, с их собственной историей и историческим прошлым, страны, где они установили к тому времени свою династию, а с другой — обогащаясь знаниями о прошлых эпохах, устанавливали генеалогическую и историческую связь прошедшего и настоящего и создавали тем самым преемственность идей и культурно-исторических традиций.

Богатейшей книжной сокровищницей, из которой тюркоязычные авторы черпали свои все новые и новые произведения, была арабо- и персоязычная историческая литература; при этом персоязычная литература в ряде случаев выполняла роль посредника между арабоязычной литературой классического периода и позднесредневековой тюркской литературой.

Формы освоения арабо- и персоязычной литературы были разнообразными — от текстуального, хотя почти всегда неточного, перевода целых сочинений до перевода-обработки отдельных частей и фрагментов оригинала, обладавших, с точки зрения переводчиков (заказчиков), своим собственным значением.

Социальный состав заказчиков переводных сочинений был разнородным, но с очевидным преобладанием лиц, занимавших высокое общественное положение.

Читательская аудитория также была социально разнородной, но в ней преобладающее большинство составляли, видимо, люди среднего сословия, о чем свидетельствуют как авторские мотивировки побудительных причин переводов — сделать иноязычное сочинение доступным «всем тюркам» и т. п., так

и жалобы самих переводчиков на недостаточное развитие читателей.

Весьма трудоемкая и требующая особой подготовки переводческая работа выполнялась, как правило, профессиональными писателями — историками и поэтами, но лиц, для которых перевод являлся бы единственным видом литературного творчества или общественной деятельности, видимо, не было.

Настоящие выводы сделаны, как это видно, на основании рукописей из собрания ЛО ИВ АН СССР. Изучение материалов других рукописных коллекций со временем уточнит, а может, даже существенно изменит многие из этих предварительных наблюдений.

¹ Таварих-и Табари тарджамаси, D 208, л. 16.

² Тарих-и Хазаначи, D 72, л. 16—2а.

³ Тарих-и Рашиди тарджамаси, D 120, л. 6а—11а.

⁴ Любопытно отметить, что ни сановным особам Яркенда и Хотана, ни самому переводчику Мухаммаду Ниазу не было известно, как это видно из приведенного рассказа, что в том же Восточном Туркестане до 1253 г. х. «Тарих-и Рашиди» переводилась на «тюрки» по меньшей мере дважды: неизвестным переводчиком в 1160 (1747) г., «соответствующему году овцы», и Мухаммадом Садыком Кашгари, вероятно, в конце XVIII в. (Тарих-и Рашиди тарджамаси, С 570, л. 270б; С 569, с. 7—9). Впрочем, и Мухаммад Садык ни слова не говорит о своем предшественнике.

⁵ Тарджаме-и раузат ас-сафа-и Насири, D 119, л. 388б; ОТР, I, № 28.

⁶ Дарбанд-нама, В 764, л. 16—2а; Тарих-и Рашиди тарджамаси, С 569, с. 9; D 120, л. 76, 10б; Таварих-и Табари тарджамаси, D 208, л. 16; Тарих-и Хаванд-шах тарджамаси, D 137, л. 388а.

⁷ Мунтахаб ат-таварих, D 90, л. 16.

⁸ Нузхат ат-талиб, В 778, л. 16; Дурра-и надира, D 125, л. 67а.

⁹ Тарих-и Рашиди тарджамаси, D 120, л. 10б—11а.

¹⁰ Дарбанд-нама, В 764, л. 2а; Тарих-и Рашиди, D 120, л. 10а; В. В. Бартольд. К вопросу о происхождении *Дербенд-наме*.— Сочинения. Т. 8, М., 1973, с. 475.

¹¹ См. Тарих-и Рашиди тарджамаси, D 120, л. 10а.

¹² В. В. Бартольд. К вопросу о происхождении *Дербенд-наме*, с. 475.

¹³ См.: В. А. Жуковский. Описание рукописей Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте министерства иностранных дел.— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник, 1971. М., 1974, с. 486.

¹⁴ Istanbul kitaplıkları. Tarih-coğrafya yazmaları katalogları. Fasikül VI. İstanbul, 1946, № 300, с. 470—479.

¹⁵ Дурра-и надира, D 125, л. 67а.

¹⁶ Таварих-и Табари тарджамаси, D 208, л. 1а.

¹⁷ Тарджаме-и мукаддима-и Ибн Халдун, С 528, л. 1а.

¹⁸ Таварих-и Табари тарджамаси, D 103, л. 001.

¹⁹ Основные биографические данные о тюркоязычных писателях средневековья приведены в соответствующих каталогах, а более подробные сведения — у Брусали и Хофмана: Mehmet Tahir Brusali. Osmanlı müellifleri. Cilt I—3. İstanbul, 1333—1343 (1915—1925) (араб. шрифт); H. F. Hofman. Turkish Literature. A Biobibliographical Survey. Sect III. P. 1. Vol. 1—6. Utrecht, 1969.

²⁰ Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. 1. Таш., 1952, № 5, с. 16—17; № 10, с. 18 (СВР).

²¹ Tarih-i Çelebitade. Istanbul, 1153 [1740/41] (араб. шрифт).

²² Дарбанд-нама, В 764, л. 2а; В. В. Бартольд. К вопросу о происхождении *Дербенд-наме*, с. 475.

²³ Ягелло. Полный персидско-арабско-русский словарь. Т. 2. Таш., 1910, с. 1025.

²⁴ Тарих-и Хаванд-шах тарджамаси, D 137, л. 388а.

²⁵ См.: Тарих-и Рашиди тарджамаси, D 120, л. 96—10а. Здесь переводчик Мухаммад Нияз описывает приемы своей работы.

²⁶ См.: В. Д. Смирнов. Турецкие легенды о Святой Софии, о других византийских древностях. СПб., 1898 (особенно с. 13, где дается характеристика так называемому «восточному переводу»).

²⁷ В качестве примера можно указать здесь на «Қанун-нама» Али Акбара. Сочинение это было написано на персидском языке около 1516 г. и в конце XVI в. переведено на турецкий язык. Сверка турецкого перевода с оригиналом, осуществленная в 30-х годах XX в. П. Кале, показала, что перевод не точен, даже искажен; «помимо этого он содержит несколько добавленных переводчиком по недоразумению дат, которые вызывали неясности относительно хронологии памятника» (см.: И. Ю. Крачковский. Арабская географическая литература.— Избранные сочинения. Т. 4. М.—Л., 1957, с. 522—524).

²⁸ См.: Мунтахаб ат-таварих, D 90, л. 16; Дарбанд-нама, В 764.

²⁹ Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. 7. Таш., 1964, № 5014, с. 25—29.

³⁰ См.: Тарих-и Рашиди тарджамаси, D 121, л. 1466; Тарих-и Хаванд-шах тарджамаси, D 137, л. 388а. Здесь содержатся высказывания переводчиков по этому поводу.

³¹ Цит. по: В. Розен. К вопросу об арабских переводах Худай-Намэ.— Восточные заметки. СПб., 1895, с. 186—187.

³² Тарих-и Рашиди тарджамаси, D 120, л. 9а; D 121, л. 1466; Тарих-и Хаваначи, D 72, л. 16—2а.

³³ Тарих-и Рашиди тарджамаси, С 569, с. 10, D 120, л. 9а—10а; D 121, л. 1466; Тарджаман-и раузат ас-сафа-и Насири, D 119, л. 388б.

³⁴ Тарих-и Рашиди тарджамаси, D 192, л. 71а.